

составить представление о таких социальных подразделениях, как *jaV* — «народ», *пуч*, *поч* — «порода» и др., поскольку авторы избегают пользоваться общепринятой этнографической терминологией и ограничиваются описательными характеристиками этих общественных институтов.

Ограниченность листажа не позволила В. М. Кулемзину и Н. В. Лукиной рассмотреть описанные ими элементы культуры восточных хантов в сравнении с аналогичными элементами культуры других обско-угорских этнографических групп, а также их ближайших соседей — ненцев, селькупов, кетов, эвенков. А такие сопоставления в отдельных случаях буквально напрашиваются. Это касается в первую очередь всего оленеводческого комплекса ваховских хантов генетически, несомненно, восходящего к их этническим контактам с самодийским миром. В то же время тип чума, бытовавший на Вахе в прошлом столетии, со специфическим креплением верхних концов шестов с помощью обруча, достаточно определенно указывает на кетское влияние. Женское злое начало Пырнэ из пантеона ваховских хантов может быть сопоставлено с Порнэ — волосатым женоподобным существом ненецкого фольклора — пожирательницей детей и прародительницей оводов и гнуса. Представление хантов Васюгана и Ваха о том, что Млечный путь на небе — это след лыж сына Торума, творца земли и всего живого, имеет прямую связь с одним из лучших произведений энецкого фольклора — Звездным мифом³. Число подобных примеров можно было бы увеличить. Отдельной темой, которая еще ждет своего освещения, является культурное влияние русских на быт и культуру восточных хантов.

Весь этот круг проблем может и должен стать предметом самостоятельного исследования и хочется высказать пожелание и надежду, что В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина еще вернутся к их разработке.

Книга о васюганско-ваховских хантах не залеживается на полках библиотек. Ее читают не только специалисты — этнографы, историки, археологи-сибиреведы. Она является полезным пособием для учителей, работников культуры, геологов и нефтяников Тюмени и Притомья, всех, кто живет и трудится на Севере и прочно сроднился с ним.

В. И. Васильев, В. В. Лебедев

³ «Мифологические сказки и исторические предания энцев». Записи, введение и комментарии В. О. Долгих. М., 1961, с. 15—27.

Е. П. Алексеева. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н. э.— IV в. н. э.). Черкесск, 1976, 182 с.

Новая книга Е. П. Алексеевой посвящена проблеме актуальной и весьма дискуссионной.

В первой главе ее дано обстоятельное описание меотских и сармато-аланских могильников Прикубанья III в. до н. э.— IV в. н. э. Е. П. Алексеева, выделяя критерии погребального обряда и похоронного ритуала, которые могут служить основанием для этнического определения захоронений, считает, что инвентарь могил не может быть бесспорным показателем. Эти предварительные посылки в целом убедительны, хотя многие черты и детали обрядности прикубанских погребений, взятые отдельно, дают значительный простор для взаимоисключающих толкований, что и диктует необходимость комплексного подхода к ним.

Далее дается краткое описание могильников Северо-Западного Кавказа (около 70). Это единственный в специальной литературе столь подробный свод соответствующих источников. Он, однако, не полон в отношении периферии той основной территории, которой занимается автор (отсутствуют Старо-Титаровские курганы, впускные погребения в курганах у станицы Курганской, г. Анапы и пр.). Не оправдано отсутствие сведений о некрополях ряда боспорских городов (Фанагории, Тиамбы, Кеп), представляющих для поднятой проблемы не меньший интерес, чем материалы Тузлинского и «Сенного» могильников, привлеченные автором. Думается, что не лишним было бы внести в обзор и данные об эпиграфических памятниках Северо-Западного Кавказа, упоминающих сираков, алан, меотов. Но все это — частные просчеты, не меняющие общей высокой оценки квалифицированного и наполненного существенными подробностями свода исследуемых памятников.

Убедительна в целом характеристика могильников III в. до н. э.— IV в. н. э. Е. П. Алексеева верно отмечает, что бескурганные некрополи Нижнего и Среднего Прикубанья в основной массе меотские. Верно и то, что в некоторых из них (и чем ближе к нашей эре, тем чаще) «встречаются элементы, характерные для сарматского обряда, — перекрещенность ног, мел и др.». Сарматскими и раннеаланскими, по твердому убеждению Е. П. Алексеевой, являются соответственно подбой и катакомбы, встреченные в нескольких пунктах.

Последнее мнение можно принять лишь с оговоркой. Близкие прикубанским катакомб земляные склепы известны в некрополях боспорских городов, а также в Ольвии,

где они появляются с IV в. до н. э. и особенно массовы в III—I вв. до н. э. И если версия А. К. Коровиной о средиземноморском происхождении их¹ и гипотезы Н. В. Анфимова и М. П. Абрамовой о сугубо местном (меотском или кобаском) генезисе катакомб² недостаточно обоснованы, то мнение Г. А. Цветаевой и Н. П. Сорокиной о появлении земляных склепов в грунтовых некрополях Боспора в связи с исчезновением обычных сооружений склепов под курганами выглядит не лишенным смысла³. Нельзя не учитывать и точки зрения, согласно которой появление в Крыму и на Северном Кавказе земляных склепов с многократными повторными захоронениями связано с социальными процессами в среде аборигенного эллинизированного населения и оседанием на землю номадов⁴. Прав Ю. М. Десятчиков, полагая, что «этническая атрибуция погребенных в таких склепах должна основываться на конкретных материалах с учетом деталей погребального обряда»⁵.

При таком подходе Ладожскую катакомбу II в. до н. э. с пятью скелетами, античной амфорой и захоронением шестерки лошадей, Тбилисский и Владимирский двухкамерные земляные склепы I в. до н. э. с коллективными захоронениями (причем один скелет в Тбилисском — скорчен и лежит на левом боку) и типичным меотским инвентарем едва ли правомерно рассматривать как чисто аланские. Скорее, как и в случае с земляными склепами на могильниках городов Боспорского царства, мы имеем здесь дело с синтезом тех разнозначных погребальных тенденций, которые возникли в результате специфических местных обстоятельств, хотя и не без влияния кочевнических обрядов. Сказанное, однако, не относится к индивидуальным катакомбам I—II вв. типа тех, что открыты у станиц Казанской, Владимирской и на Ясеновой поляне. Они действительно могут быть разновидностью аланских гробниц, утративших курганную насыпь.

Анализируя курганы, Е. П. Алексеева уверенно выделяет среди них захоронения местных племен меотского круга (Бесленевский, Северский, Габукойский). Осторожной оцениваются курганы так называемого зубовско-воздвиженского типа I в. до н. э.—I в. н. э. Автор склоняется к мнению тех археологов (К. Ф. Смирнов, Н. В. Анфимов, В. Б. Виноградов), которые связывают их с сираками, считая, что «яма с деревянными конструкциями является вполне надежным» критерием отличия от местных похоронных традиций (с. 72). Но не оставлены без внимания и сомнения И. С. Каменецкого в возможности твердого определения сиракских памятников к востоку от Лабы. Они не бесспорны, так как зубовско-воздвиженские курганы дают все же неординарную и далекую от классических сарматских эталонов погребальную обрядность.

Значительное место уделяет Е. П. Алексеева этнической интерпретации так называемого Золотого кладбища. Она аргументированно, на мой взгляд, опровергает основные доводы Н. В. Анфимова, склоняющегося к признанию меотской доминанты в возникновении и оформлении этих курганов, и считает, что «подкурганные катакомбы Золотого кладбища и им подобные катакомбы сарматского времени Предкавказья можно связать только с аланами».

Обоснована и этно-культурная классификация памятников Верхнего Прикубанья, среди которых кроме меотских и сармато-аланских автор выделяет и погребения далеких предков карачаевцев (Терезинские курганы с прямоугольными ямами, обложенными камнем, и, возможно, грунтовые могильники Родниковый и Джамагатский). Правомерна трактовка Аднохского, Узун-Колского и Тамгацкского могильников, как кладбищ алан, «потерявших под влиянием местных условий свою погребальную форму (катакомбы)» (с. 81). А вот отнесение Хасаутского погребения к числу сарматских едва ли оправдано. Вероятно, здесь мы имеем дело с захоронением представителей исконного субстратного слоя карачаевского народа⁶.

Обобщение данных о прикубанских поселениях меото-сарматского времени содержится во второй главе книги. Обзор охватывает более 150 городищ и поселений, открытых и обследованных В. А. Городцовым, М. В. Покровским, Н. А. Онайко, самим автором, но особенно тщательно Н. В. Анфимовым. Отдельно вводит Е. П. Алексеева в научный оборот и анализирует интересное Дружбинское городище № 2 в Карачаево-Черкесии, датируемое V—IV вв. до н. э.—IV в. н. э. Большой и разнообразный материал

¹ А. К. Коровина. Рецензия на кн.: Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь.—«Сов. археология», 1959, № 1, с. 317.

² Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья.—«Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», 16, М., 1947, с. 151—156; М. П. Абрамова. Нижне-Джугатский могильник. Нальчик, 1972, с. 39—46.

³ Г. А. Цветаева. Курганный могильник Пантикапея. М., 1957, с. 243; Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1961 году.—«Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 95, М., 1963, с. 61.

⁴ Э. В. Яковенко. Скифские погребения на Керченском полуострове.—«Проблемы скифской археологии», М., 1971, с. 164; В. Б. Виноградов. Рец.: М. П. Абрамова. Нижне-Джугатский могильник.—«Сов. археология», 1975, № 1, с. 307; А. М. Хазанов. Общественный строй скифов. М., 1975.

⁵ Ю. М. Десятчиков. Сарматы на Таманском полуострове.—«Сов. археология», 1973, № 4, с. 74—75.

⁶ См. В. Б. Виноградов, А. П. Рунин. Новые данные по археологии Северного Кавказа.—«Археолого-этнографический сборник», III, Грозный, 1969, с. 117.

приводит ее к убеждению, что и городище, и расположенный рядом могильник — меотские памятники. Следы сарматского влияния в них незначительны. А аналогии с другими верхнекубанскими памятниками раннежелезного века свидетельствуют скорее не о «глубоких корнях» меотской культуры в Карачаево-Черкесии (с. 108), а о том, что меотские традиции наслонились на исконный пост-кобанский культурный пласт, представленный материалами, например, Учкуланского селища.

Е. П. Алексеева логично объясняет скудость следов сармато-аланского влияния в материалах поселений. Правильна мысль о совместной жизни на одних городищах меотов и сарматов, перешедших к оседлости, и об использовании ими одних могильников. Жаль только, что она не подкреплена конкретными сведениями о соотношении таких смешанных некрополей с соседними поселениями.

В третьей главе — «Вопросы этнической истории местного населения Северо-Западного Кавказа и сармато-алан в меото-сарматское время» — автор излагает свою концепцию этой проблемы. Е. П. Алексеева сопоставляет обработанные ею данные со свидетельствами письменных источников и уточняет ареал распространения культуры, получившей название меотской по собирательному имени многих местных племен Прикубанья и Приазовья. Следует согласиться, что восточная граница бытования меотских памятников охватывала частично и Верхнее Прикубанье, где меотские памятники сосуществуют с поселениями и могильниками пост-кобанских племен — предков карачаевцев. Но вряд ли это район «особого локального варианта меотской культуры» (с. 117). Вероятнее видеть в нем контактную (приграничную) зону смешанного населения, естественную в специфических местных условиях. Точно так же, признавая весомость гипотезы И. С. Каменецкого о переселениях с Кубани в низовья Дона (но отнюдь не «язаматов»⁷), недостаточно, очевидно, ограничиваться лишь констатацией близкого родства местного населения Нижнего Дона с прикубанскими и приазовскими меотами. Миграции не заставляли Нижнее Подонье необитаемой пустыней. Культура меотов наслаивалась на иную основу, создателями которой были этнически отличные племена, вероятно, ираноязычного круга.

Иная картина в исконно меотских районах Нижнего и Среднего Прикубанья, где намечается несколько локальных вариантов внутри единой меотской культуры. Е. П. Алексеева рационально трактует особенности каждой группы памятников, в том числе курганов с каменными гробницами типа Северского, Бесленевского и др., вызывающих споры относительно своей принадлежности. Она в известной мере поддерживает тех, кто пытается связать эти некрополи с продвижением на территорию Восточного Причерноморья неких (родственных меотам) племен с юго-востока и востока (может быть, даже из Верхнего Прикубанья). Подобный взгляд представляется более реальным, чем подход Ю. М. Десятчикова, связывающего их с асами, появившимися на Северном Кавказе из Средней Азии⁸.

Мотивировано мнение о преждевременности попыток отождествления отдельных меотских племен с определенными группами памятников. Исключение, как правильно замечает автор, составляют только синды, чьи древности поддаются выделению и характеристике⁹.

Много полезного содержит этюд «Сарматы — сираки и аорсы. Их проникновение на Северо-Западный Кавказ». После подробного экскурса в историю савромато-сарматских племен Северного Прикаспия Е. П. Алексеева обращается к роли сарматов в оформлении этнической картины Северо-Западного Кавказа. По мнению автора, сираки стали проникать в Прикубанье на рубеже IV—III вв. до н. э., это сразу нашло отражение в облике меотских могильников, но основная масса сираков стала селиться в этих местах с I в. до н. э. Эта трактовка близка взглядам Н. В. Анфимова¹⁰, однако автор не определяет жестко время и условия начального этапа сиракского проникновения. В вопросе же локализации сиракского племенного союза Е. П. Алексеева склоняется к версии И. С. Каменецкого. Такое понимание в контексте конкретной работы об исторических судьбах Северо-Западного Кавказа правомерно. Однако оно (разделяемое Ю. С. Гаглойти, М. П. Абрамовой, Д. А. Мачинским) не является единственным и в различных аспектах получает альтернативу в работах К. Ф. Смирнова, Ю. М. Десятчикова, Б. М. Кереева, В. А. Петренко и др.

Е. П. Алексеева, соглашаясь, что подбойные захоронения — аорсская форма погребального обряда, приходит к важному выводу: «Аорсы стали проникать на Северо-Западный Кавказ несколько ранее II в. до н. э., возможно, с III в. до н. э.» (с. 131), а влияние их особенно явственно в I в. до н. э. — I в. н. э.

Е. П. Алексеева говорит также о проникновении на Тамань и в Прикубанье и других сарматских племен (роксолан, аспургин, епагеритов). Постановка такого вопроса уместна, но объективных данных для его решения мало.

⁷ В. Б. Виноградов. Еще раз о язматах. — «Вестник древней истории», 1974, № 1, с. 158—159.

⁸ Ю. М. Десятчиков. Указ. раб., с. 78.

⁹ Новейшей работой, в которой пересматриваются традиционные взгляды на этническую характеристику синдов и меотов, является: О. Н. Трубачев. О синдах и их языке. — «Вопросы языкознания», 1976, № 4, с. 39—63.

¹⁰ Н. В. Анфимов. К вопросу о сарматизации Прикубанья. — Тезисы Пятых «Крупновских чтений». Махачкала, 1975, с. 50.

Убедителен главный вывод: сарматские элементы прослеживаются до III в. н. э., а в более поздних памятниках (за исключением Верхнего Прикубанья) уже не наблюдаются. Е. П. Алексеева закономерно объясняет этот факт постоянным слиянием сарматов с местным меотским населением.

Глава завершается рассмотрением вопроса о ранних аланах на Северном Кавказе в I—IV вв. н. э. Автор обстоятельно излагает все наиболее существенные точки зрения на происхождение алан. Сама Е. П. Алексеева придерживается и посылку развивает версию о среднеазиатском (сако-массагетском) исходе асневских (асяньских) племен в Восточную Европу, где они, смешавшись с «протоаланами» (племенами аорского круга), сыграли ведущую роль на рубеже нашей эры в формировании ранних алан. Именно и только с этими ираноязычными номадами автор связывает становление традиции катакомбных могил в Северном Причерноморье и Предкавказье.

Вся сумма доказательств, использованных Е. П. Алексеевой, представляется убедительной.

Автор внимательно прослеживает основные вехи этнической истории Северо-Западного Кавказа в первых веках н. э. Хорошо обоснована мысль о конечном слиянии ранних алан и меотов (при этнокультурной победе последних) на среднем и нижнем течении Кубани к концу III в. н. э. Аргументирован и вывод, что «в верховьях Кубани ранние аланы генетически связываются со средневековыми аланами» (с. 161).

Произведенный разбор показал научную значимость нового труда Е. П. Алексеевой. Дискуссионность многих вопросов, поднятых и решаемых автором, лишь усиливает удовольствие по поводу выхода в свет работы, впервые обобщившей накопленные знания по сложной и запутанной проблеме место-сарматских связей, как части процесса, затрагивающего весь Северный Кавказ.

В. Б. Виноградов

Л. П. Кузьмина. Народное поэтическое творчество рабочих Сибири. (Рабочий фольклор как исторический источник). Улан-Удэ, 1977, 245 с.

В послевоенный период во всем мире, и в первую очередь в странах социалистического содружества, возрос интерес к устнопоэтическому творчеству рабочего класса, являющегося главной движущей силой революционного преобразования мира. Об этом, в частности, свидетельствуют наряду с появлением большого количества публикаций и исследований проведение ряда международных симпозиумов по рабочему фольклору и рабочей песне, а также организация специального симпозиума «Рабочий фольклор» в рамках VII МКАЭН, проходившего в 1964 г. в Москве.

В советской фольклористике в последние пятнадцать лет произошли значительные сдвиги в изучении устнопоэтического творчества рабочих, особенно заметные в 70-е годы, когда появились первые монографии, посвященные отдельным жанрам или проблемам рабочего фольклора, и значительно расширились проблематика и география исследований, а также их источниковедческая база (главным образом за счет привлечения архивных материалов). Перелом в изучении рабочего фольклора произошел во второй половине 60-х годов, чему в немалой степени способствовала первая в нашей стране научная конференция по рабочему фольклору, состоявшаяся в 1963 г. в Свердловске. На конференции, созданной с целью координации работы фольклористов в данной области, были рассмотрены ряд теоретических вопросов изучения художественного творчества рабочих, а также специфика и история его жанров. При этом главное внимание уделялось доктринальному фольклору, который и в последующие годы находился в центре внимания фольклористов. На основе материалов конференции Институтом русской литературы АН СССР был подготовлен сборник статей «Устная поэзия рабочих России», отразивший, как отмечалось в предисловии, «идущую в фольклористике борьбу мнений, коллективные поиски методики исследования произведений массового поэтического творчества рабочих»¹. Там же в предисловии была определена и программа дальнейшего развития исследований. «Задача состоит в том, — писал В. Г. Базанов, — чтобы от общих определений и риторических украшений перейти к подлинно научному изучению рабочего фольклора. Для этого необходимо создание „свода“ по рабочему фольклору, необходима большая публикаторская и текстологическая работа, развернутая сравнительная характеристика отдельных вариантов, критическая проверка старых и новых записей. Только на основе большого и авторитетного материала, опубликованного и архивного, можно строить обобщения, успешно разрабатывать общие вопросы истории рабочего фольклора»² (курсив мой.— Н. П.).

Рецензируемая работа Л. П. Кузьминой как раз и является результатом осмысления большого фактического материала, значительная часть которого впервые вводится

¹ «Устная поэзия рабочих России». Сборник статей под редакцией В. Г. Базанова. М.—Л., 1965, с. 5.

² Там же, с. 4.